

Глава 25

Паровой морской окунь

Такого Ань Сынянь ещё не видел.

Про буддийских монахов, собирающих подаяние, слышали все, но чтобы этим занимались даосы?

Он открыл удостоверение.

[Имя: Ли Баоэр]

[Даосское имя: Сюаньчжоу-цзы]

[Школа: Учение Сюаньчжэн]

Все прочие данные — номер документа, орган выдачи и чёткая гербовая печать — были на месте. Книжица не походила на подделку.

— Храм Сюаньюань? — Сынянь прочёл название, указанное как место службы, вслух. Он никогда о нём не слышал.

— У подножия горы с другой стороны, — отозвался Янь Чжэнь. — Довольно ветхий храм.

За те несколько дней, что офицер Янь прожил здесь, он успел обойти все окрестные достопримечательности и ориентировался на местности куда лучше вечно занятого кухней хозяина Аня. Впрочем, манера речи гостя оставалась всё такой же колкой, за что он тут же удостоился недовольного взгляда Сыняня.

Ли Баоэр, однако, ничуть не обиделся. Он мастерски ухватился за возможность продолжить диалог:

— Именно так. Место и впрямь запущенное. В наше время много ли молодёжи верит в богов? — Даос посмотрел на Янь Чжэня, и его лицо озарилось лукавой улыбкой. — Но вы, верующий, выглядите человеком незаурядным. Не желаете ли совершить подношение?

С этими словами он ловко извлёк карточку с QR-кодом для оплаты и протянул её в сторону собеседника.

Наступила неловкая тишина.

В холодном взгляде Янь Чжэня читалось отчётливое «мечтать не вредно». Лицо офицера осталось непроницаемым, как маска.

Даос, чьи морщинки сложились в подобие расцветшей хризантемы, не сдавался:

— Верующий, я вижу, что в ваших глазах затаилась иньская сырость, а три внутренних огня горят неровно. Боюсь, в ближайшее время вас ждут мелкие неприятности, да и в судьбе намечилось пагубное влияние Персикового цвета... Всего за восемьдесят восемь юаней вы можете сделать взнос и разблокировать прогноз на весь год! Обещаю, бедный даос поможет вам отвести беду.

Ань Сынянь едва не прыснул со смеху. Какая ещё «иньская сырость»? У Янь Чжэня под глазами залегли такие чёрные круги от недосыпа, что не заметить их мог только слепой.

Видя, что офицер вот-вот сорвётся, Сынянь поспешил вмешаться:

— Даосский наставник Сюаньчжоу, наша встреча — уже сама по себе знак судьбы. Раз уж вы зашли, присаживайтесь к столу.

Но у Ли Баоэра были свои принципы. Раз пришёл за подаванием, нужно соблюдать приличия. Он вежливо отказался от места за столом, попросил большую миску, наполнил её рисом и закусками, после чего устроился прямо на пороге дома.

Когда гость удалился, Сынянь принялся разливать суп для Чжан Ли и её дочери.

— И где вы его подобрали? Только не говорите, что тоже заплатили за пророчество.

Чжан Ли смущённо опустила голову, а вот Фан Юйтун скрытничать не стала. Она выудила из кармана юбки сложенный лист жёлтой бумаги с иероглифами и тут же выдала мать:

— А как же! Я ей твержу, что это всё суеверия, а она и слушать не хочет. Наплёл ей про «несчастливый год» и «застой в печени» — мы даже слов таких не знаем. Отдала восемьдесят восемь юаней вот за это. Но мы его не приводили, он сам за нами увязался от самых садов. Говорит, что он друг хозяина плантации.

Друг Шуй-лао? Наверное, партнёр по игре в маджонг... С этим вечным QR-кодом и жаждой наживы он выглядел как самый обычный делец.

Сынянь мельком взглянул на талисман. Ему стало любопытно. Хоть от бумаги и не исходило ни капли духовной энергии, ему хотелось развернуть её и изучить структуру.

На континенте Цзюи искусство талисманов стояло в одном ряду с алхимией и созданием

формаций. За триста лет одиночества у Сыняня было слишком много свободного времени, так что он успел изучить основы. Ему было интересно, есть ли что-то общее между земным даосизмом и практиками его прежнего мира.

Впрочем, забирать вещь, за которую люди заплатили деньги, было неловко.

«Может, когда он доест, попросить и мне судьбу предсказать? Глядишь, тоже бумажку подарит»

Снаружи Ли Баоэр даже не догадывался, что мимо его кошелька проплыла очередная прибыль. Он с аппетитом отправил в рот порцию водяного шпината с ферментированным тофу и чили. Но стоило ему проглотить кусок, как зрачки его расширились, горло судорожно дёрнулось, и всё тело замерло.

Откуда в его теле взялось это мягкое, обволакивающее тепло? Почему техника «Юньци Цицян», которую он безуспешно практиковал десятилетиями, вдруг сама пришла в движение?

В этот миг вкус еды перестал для него существовать.

Ли Баоэр опустился на землю, сложив ноги в позе лотоса. Поставив миску перед собой, он закрыл глаза и сосредоточил всё внимание в области даньтяня. Он представил этот поток тепла как крошечный огонёк в печи — тёплый, яркий. Старик принялся за тихую медитацию, стараясь преобразовать это мимолётное ощущение в истинную Ци...

Почти в ту же секунду в столовой Ань Сынянь на мгновение замер с палочками в руках, но тут же, как ни в чём не бывало, потянулся за кусочком тофу.

Внешне он оставался спокоен, но в голове его пронеслось:

«Очередной?.. Везёт же мне в последние дни. Шанс один на миллион, а я встречаю их один за другим»

Его не особо заботило, что происходит снаружи, — куда важнее было наблюдать за двумя гостями с пищевыми расстройствами.

Янь Чжэнь ел подчёркнуто медленно, выжидая, пока еда остынет. Но по сравнению с тем, как тяжело ему давался каждый глоток в первый день, прогресс был налицо. Его лицо выглядело умиротворённым, морщинка между бровями разгладилась.

Это было ожидаемо. Как только пробуждается духовный корень, тело начинает само исцелять застарелые травмы. Когда он приступит к настоящим техникам, процесс очищения каналов и перестройки организма завершится довольно быстро. Если у него и останутся проблемы, то корень их будет чисто психологическим.

А вот с Фан Юйтун ситуация была куда серьезнее.

И Сынянь понимал: причина кроется вовсе не в самой девушке. Было видно, что его бывшей фанатке блюда пришлись по вкусу — её глаза так и сияли при виде еды. Но стоило ей поднести ложку ко рту, как она невольно бросала взгляд на Чжан Ли, начинала жевать медленнее и под конец вовсе не могла проглотить ни кусочка.

Всего за сутки хозяин Ань осознал, к чему приводит материнская любовь, перешедшая все границы. Но способа помочь ей он пока не видел.

«Поживём — увидим»

Накормив людей, он принялся за питомцев. Чэньпи теперь не нужно было приглашать дважды — стоило Сыняню поставить миску, как пёс прибежал на запах. Доучжир тоже стал куда активнее и дружелюбнее. Перед тем как начать трапезу, кот потерся о ладонь юноши, словно выражая благодарность.

Почувствовав прикосновение шершавого кошачьего языка, Ань Сынянь невольно улыбнулся.

Летний полдень окутал усадьбу тишиной. Солнце заливало ярким светом газон во внутреннем дворике. Чжан Ли с дочерью ушли отдыхать в номер, офицер Янь устроился в гостиной с ноутбуком, а Сынянь заварил себе жасминовый чай и на несколько минут погрузился в безделье, мерно покачиваясь в кресле за стойкой регистрации.

Четыре часа дня

К четырём часам пора было снова приниматься за дела.

На вечер требовалась рыба, а её лучше покупать живой и разделывать прямо перед готовкой. Спустившись к подножию горы на электроскутере и вернувшись обратно, Сынянь обнаружил, что старый даос всё ещё сидит на ступенях в глубокой медитации, не шелохнувшись и по-прежнему прижимая к себе пустую миску.

Он не стал его беспокоить и прошёл на кухню.

Промыв рыбу, Ань Сынянь прижал её к разделочной доске и резким, точным движением вонзил тонкое шило в мозг, прямо за головой.

— Метод Икэдзимэ? — Янь Чжэнь, который всё это время маячил у кухонного острова с чашкой воды, подошёл ближе.

— Ты и об этом знаешь? — удивился Сынянь.

Этому приёму он только что научился у дядюшки Железная Рука в рыбной лавке и решил опробовать на практике. Офицер Янь, очевидно, был человеком искушённым.

— Да. Этот способ пришёл из Японии. Если убить рыбу мгновенно, в мышцах не успевают накопиться молочная кислота от предсмертных судорог. Это позволяет сохранить АТФ в тканях, благодаря чему мясо остаётся идеально нежным.

Сделав глоток воды, Янь Чжэнь добавил:

— Есть ещё более радикальная техника — кровопускание по методу Цумото. После того как подрезают хвост, в артерию вводится игла с водой под давлением. Это вымывает кровь без остатка, и у мяса пропадает даже малейший намёк на специфический запах. Если хочешь, я могу тебя научить.

Янь Чжэнь говорил это обыденным, лишённым эмоций тоном, но Сыняню на миг стало жаль рыбу. Мало того что она отдала свою жизнь ради их ужина, так ей ещё пришлось выслушать эти ледяные подробности перед смертью.

Бедный маленький окунь.

— ...Намо амито по е... Тота кято е... — вполголоса забормотал Сынянь мантру перерождения. При этом руки его работали с поразительной быстротой: он мгновенно выпотрошил рыбу, очистил чешую и удалил жабры.

Янь Чжэнь с интересом наблюдал за ним. Он поджал губы, явно желая что-то сказать, но в последний момент передумал.

Вечер

Ужин прошёл в привычной тишине. За столом Ань Сыняня разговоры обычно не клеились — все были слишком заняты едой.

Но если рты были заняты, то глаза — свободны. Когда Янь Чжэнь в тридцать второй раз бросил на него долгий взгляд, Сынянь не выдержал и тихо произнёс:

— Я всё понял. Сначала доешь.

Услышав это, Фан Юйтун подозрительно перевела взгляд с одного мужчины на другого. Чжан Ли тем временем старательно выбирала косточки из рыбы и перекладывала нежные кусочки в ложку дочери.

После ужина кое-кто явно потерял терпение. Янь Чжэнь то шёл за водой, то брал какую-то книгу, то просто бесцельно бродил возле стойки регистрации. В конце концов он замер у большого фарфорового чана, делая вид, что кормит золотых рыбок, но его взгляд ни на секунду не отрывался от Сыняня.

Ань Сынянь тем временем сидел в сети.

Во время стримов в кадре постоянно маячила его ярко-зелёная мята. Вид у неё был настолько свежий, что сегодня ему написали двое зрителей с просьбой продать пару кустиков.

Раньше он в шутку называл цену в сто юаней, не особо рассчитывая на успех, и даже не подготовил ссылку для оплаты. Теперь же он добавил покупателей в вичат, уточнил адреса и номера телефонов. Завершив дела, он поднял голову и столкнулся с прямым, выжидающим взглядом офицера.

Что ж, его можно было понять. Сынянь и сам помнил, как впервые попал в орден Фуюнь и как у него дух захватывало от вида старших братьев, парящих на мечях.

Он закрыл ноутбук и, не говоря ни слова, просто кивнул. Янь Чжэнь послушно последовал за ним по лестнице.

Когда они поднялись в сад на крыше третьего этажа, Чэньпи, дремавший в плетёном кресле, лишь повел ухом и приоткрыл один глаз. Убедившись, что это хозяин, пёс снова провалился в сон. Они молча прошли через беседку. Сынянь негромко позвал:

— Сяо Ин.

Он легко взмахнул рукой. Розовый водопад цветов бугенвиллеи затрепетал, и в густой листве мгновенно открылась арка прохода.

Глядя на это, Янь Чжэнь невольно вспомнил строки древнего поэта:

«Тропа в цветах не знала прежде гостя,

Но для тебя сегодня я врата открыл»

Когда он впервые увидел этого человека в Наньюэ, тот показался ему невероятно наивным. Какой-то незнакомец в ресторане предложил ему попробовать клейкий рис с манго, и парень

съел его без тени сомнения.

Те бандиты-мошенники из Наньюэ тоже хороши — как они только обучают своих подчинённых? Даже по пути на встречу с партнёрами умудрились усердно завлекать в свои сети новых «поросят». Неужели настолько не терпят праздности?

Янь Чжэнь, будучи его соотечественником, не смог пройти мимо. Он придумал предлог и буквально выставил юношу из машины, спасая от беды. Переживая за то, что тот останется без сознания в глуши, он даже задействовал своего осведомителя, которого берёт для крайних случаев. Тогда он ещё не знал, не станет ли этот поступок роковой ошибкой, которая раскроет его через полгода.

Вернувшись на родину, офицер наводил справки. Выяснилось, что спасённый им юноша был начинающим айдолом. Но к тому времени, как Янь Чжэнь добрался до Киото, парень уже ушёл из шоу-бизнеса и вернулся в родные края.

Когда их пути снова пересеклись в той кофейне, Янь Чжэнь узнал его мгновенно. И в тот же миг он всё понял.

Почему он не поехал в другое место? Почему, покинув столицу, он устремился напрямик в провинцию Юэ? Потому что один случайный взгляд стал для него судьбой, и в глубине души он лелеял надежду на новую встречу в бескрайнем море людей.

Невероятно, но судьба действительно дала ему этот шанс.

Раз они встретились вновь, он больше не хотел его терять. Вспомнив старое интервью, где Сынянь упоминал о любви к животным, Янь Чжэнь, переступив через гордость, попросил Чжоу Лу одолжить ему Доучжира.

План был хорош, но судьба снова подшутила над ним: кот прибыл, а человек исчез.

Янь Чжэнь обедал в ресторане, оформленном в стиле старого Гуанчжоу, но не замечал изысканного интерьера — он лишь представлял, как Сынянь, этот любитель вкусно поесть, снова случайно окажется за соседним столиком. Он часами бродил по экзотическим рынкам цветов и птиц, ожидая, что вот-вот увидит знакомую фигуру с собакой на поводке.

Но тщетно. Он прождал десять дней, но так и не встретил его.

Жизнь, однако, продолжалась. Его новая книга рассказывала о загадочном происшествии в уединённом гостевом доме. Чтобы найти вдохновение, он открыл карту и выбрал самую удалённую точку от центра города — район Луцзяовань. В заброшенной рыбацкой деревушке он остановил первого встречного в белой майке, чтобы спросить дорогу...

Летнее солнце слепило глаза, розовое море цветов захватывало дух, но самым прекрасным для него оставался тот, кто сейчас стоял перед ним.

Здесь, у живой цветочной арки, Янь Чжэнь отчётливо осознал: он стоит на пороге между миром обыденным и миром вечности. Человек, стоящий впереди, обернулся и с улыбкой спросил:

— Зайдёшь?

<http://bllate.org/book/15856/1442922>